

УДК 141.201

ИВАНЕНКО Алексей Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров. Автор 35 научных публикаций

КРИЗИС МЕТАФИЗИКИ: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируются причины кризиса метафизики и попытки его преодоления. Корень проблемы усматривается в противопоставлении физики и метафизики, которое было заложено еще в трактатах Аристотеля. По мере развития естествознания это противопоставление превратилось в противоречие. К XIX веку метафизика стала казаться препятствием для физики, что зафиксировал Энгельс в своей работе «Диалектика природы». Попытки «спасти» метафизику предпринимались, однако они приводили к ее субъективизации, к сужению бытия до бытия человека. Гуссерль и Хайдеггер безуспешно пытались обозначить дистанцию между своей философией и зарождающейся психологией. Трансцендентальный идеализм, феноменология и экзистенциализм обозначили проблему верификации метафизического знания и были справедливо отвергнуты аналитической традицией. Однако субъективизация метафизики преодолевается концепцией «смерти субъекта», которая позволяет выйти к сущему через язык. Мысль рождается в языке, мир есть текст, язык говорит через человека, трансцендентальное структурировано как язык – вот главные тезисы философии языка XX века. Впрочем, возможность лингвистической метафизики остается открытой, т. к. в рамках языка сущности превращаются в значения, что ставит под сомнение метафизику как учение о сущностях. Вопрос о внеязыковой реальности оказывается бессмысленным и метафизическим в позитивистском смысле этого слова. Хотя в XX веке предпринимались попытки создания аналитической метафизики, тем не менее необходимо произвести различие метафизики и онтологии, поскольку онтология номинально является наукой о сущем. Современная онтология не может игнорировать достижения лингвистической философии, однако она не может замкнуться в рамках лингвистики из-за фундаментального смысла предельных значений культуры, которые могут постигаться специфичным философским методом рефлексии.

Ключевые слова: кризис метафизики, критика метафизики, возрождение метафизики.

Ф. Анкерсмит в своей работе «История и тропология» (1984) заметил, что именно в 1970-е годы «метафизика осуществила наиболее удивительное возвращение в современ-

ность» [1, с. 6]. В отечественной философии этого возвращения не заметили, поскольку в рамках диалектического материализма метафизика оставалась негативно окрашенным термином,

антитезой диалектики. В ключевой для советского периода развития отечественной мысли работе «О диалектическом и историческом материализме» (1938) говорится: «В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения» [2, с. 537].

Мы вправе поставить за скобки истинность данного утверждения, однако оно в определенной мере иллюстрирует отношение к метафизике. Метафизика воспринимается как характеристика устаревшего мировоззрения, где природа обладает статическими характеристиками. После краха СССР диалектический материализм вышел из моды, однако его идеи унаследовались мировоззрением, которое получило название синергетики. Например, М.С. Каган в 1998 году писал, что синергетика «конкретизирует диалектическую идею саморазвития» [3, с. 211].

Однако в 90-е годы XX века в философской среде приобрели широкую популярность переводы немецкого философа Мартина Хайдеггера, который написал ряд статей о метафизике. Например, статьи «Что такое метафизика?» (*Was ist Metaphysik*, 1929), «Основные понятия метафизики» (*Die Grundbegriffe der Metaphysik*, 1930), «Введение в метафизику» (*Einführung in die Metaphysik*, 1935) и «Преодоление метафизики» (*Überwindung der Metaphysik*, 1954). После этого само понятие метафизики оказалось не только реабилитированным, но и востребованным. Оно практически превратилось в синоним самой философии.

Отчасти такой интерес и такая популярность вполне объяснимы. Метафизика – это и название одноименного трактата Аристотеля, синоним первой философии, а следовательно, синоним онтологии как первой в шифре философских специальностей. Кроме того, в состоянии Постмодерна историцизм получает широкое развитие, поскольку ценности прогресса и прочие проективные «метанарративы» поколеблены, а прошлое становится предпочтительнее будущего. Отсюда в культуре наблюдается «имитация прежних стилей», появляются направления

и течения, где к старым названиям прибавляется приставка «нео» [4, с. 453].

В любом случае заявленное Анкерсмитом возвращение метафизики и попытки возрождения метафизики Хайдеггером не тождественны. Эти события разделяют десятилетия. Насколько справедлива критика метафизики и насколько она преодолена?

Советская критика метафизики, равно как и советское определение философии как «науки о всеобщих закономерностях», не является *know how* отечественной мысли, а заимствована из философии позитивизма. Так, именно Огюст Конт в работе «Дух позитивной философии» называет метафизикой донаучную стадию интеллектуальной эволюции человечества. Если метафизика тщетно пытается выявить сущности, то наука ищет законы и закономерности, под которыми понимаются устойчивые отношения между явлениями [5, с. 17].

Если философия и имеет право на существование в контексте позитивизма, то только как наука, т. е. поиск законов. Специфику философии позже уточнил Г. Спенсер. Ее главное отличие от других наук заключается в степени всеобщности. Спенсер пишет следующее: «Название философии все-таки надобно сохранить за знанием, имеющим наивысшую степень всеобщности» [6, с. 108]. Для классического позитивизма примерами всеобщих законов были законы эволюции, а в советском диалектическом материализме – законы диалектики.

Энгельс в «Диалектике природы» (1886) заявляет об антиметафизической позиции, воспроизводя распространенную в конце XIX века поговорку естествоиспытателей: «Физика, берегись метафизики» [7, с. 179]. Главный упрек, который мы находим у Энгельса, – это неспособность метафизики мыслить процессы. Однако имеем ли мы дело с недостатком метафизики или с самим ее существованием?

Само становление метафизики в Античности проходило под знаком недоверия к видимому и к наблюдаемым процессам. Видимое относится к сфере мнения, тогда как истина не только умозрительна, но и вечна. Это классическое

рассуждение восходит еще к Пармениду. Принципы логического мышления, обнаруженные Аристотелем, также были на стороне этого тезиса. Видимое противоречиво, а противоречивое не может быть истинным.

Первоначально предмет метафизики практически совпадал с теологией, ибо касался вещей неизменных, божественных и небесных. Однако метафизику постигла судьба теологии. Перед нею был поставлен вопрос: а на каком основании она может заявлять об истинности своих утверждений? Иными словами, насколько верифицируема метафизическая истина?

Истина теологии верифицируется авторитетом той церкви, которая представляет данную теологию. Известно выражение Августина: «Я бы не верил Евангелиям, если бы мне не повелевал авторитет католической церкви». Если церковь обладает внушительными ресурсами, развитой инфраструктурой, социальным капиталом, то к истинам теологии будут прислушиваться. Если же церковь не обладает всем вышесказанным, то она будет неотличима от гонимой секты.

Ситуация с метафизикой имеет свои параллели. Метафизика изначально была вписана в систему наук, и о ней невозможно говорить, игнорируя физику. Если метафизика – это первая философия, то физика – вторая. Разумеется, в момент становления метафизики физика понималась несколько в ином ключе, чем мы ее понимаем сейчас. Это была доклассическая (доньютонианская) физика, но в любом случае она являлась естествознанием. И весьма определенная преемственность между физикой как второй философией и современной физикой имеет место. В обоих случаях сохраняется предмет – движущаяся природа, φύσις. Метафизика у Аристотеля занимается не движением, но его началом. Здесь важно обратить внимание не столько на противопоставление физики и метафизики, сколько на их взаимную согласованность. Одно невозможно без другого. И вот ко времени Энгельса метафизика из симбиота физики превращается в ее паразита, во что-то лишнее и ненужное, что стоит отбросить или выкорчевать с корнем.

Новоевропейское естествознание осознает себя самодостаточным в познании природы. Если споры теологов в XVI веке скорее приводили к расколам в Европе, то ученые-естественники, напротив, становились гарантами единства западной цивилизации. Западная наука проявляла себя как в системе унифицирующего образования, так и в чудесах технологий. Что осталось метафизике?

Кант сместил внимание с вещей божественных на вещи трансцендентальные. Для непосвященных различие почти не улавливалось. Сам Кант во втором предисловии (1787) к «Критике чистого разума» называл это смещение «полной революцией, следуя примеру геометров и естествоиспытателей» [8, с. 26]. Фактически он сместил внимание с объекта на субъект, поместив платоновский «гиперураний» (мир идей) обратно в голову человека.

Трансцендентальное – это ментальная призма, божественные иконы, которые не столько искажают наше восприятие окружающего мира, сколько ему способствуют. Все же понятия иконы и идеи имеют единую основу и происхождение, поэтому в отечественной философии за кантианством закрепилась характеристика *агностицизм*.

Как в свое время западная либеральная теология отказалась от объяснения мира и переключилась на вопросы морально-нравственного порядка, так и метафизика в лице Канта переключилась на исследование познавательных способностей человека. Пусть мир меняется, а божественное призрачно, но человек остается человеком. Совсем как у Декарта: тезис *ego cogito* стал фундаментом его философии. Объект ненадежен, но субъект самостоителен, Я есть Я – именно такое утверждение мы встречаем в философии Фихте, второго после Канта представителя немецкой классической философии.

Однако почва трансцендентализма (по сути, глубинного субъективизма) так и не стала прочной опорой для метафизики. Сциентизм в лице нарождающейся психологии безуспешно конкурировал с философией в деле изучения познавательных структур субъекта.

Поэтому и Гуссерль в «Идеях к чистой феноменологии» (1913), и Хайдеггер в «Бытии и времени» (1927) вынуждены были особо оговаривать отличие своей философии от психологии. При этом аргументации двух великих философов в этом вопросе не выглядят достаточно убедительными с точки зрения современного человека.

Так, Гуссерль, признавая, что его феноменология, как и психология, имеет дело с сознанием, тем не менее касается не эмпирической (фактической) его стороны, а сущностной (эйдетической) [9, с. 21]. У Канта антитезой эмпирического было как раз трансцендентальное, т. е. априорное, до-опытное. Тем не менее именно эта антитеза являлась во многом догматической, поскольку сомнительной была сама идея сущности, независимой от всякого опыта. Конт в «Духе позитивной философии» (1844) писал о «законе подчинения воображения наблюдению» [5, с. 16] как об одной из основных черт «взрослого» состояния человеческого ума. Таким образом, метафизические сущности критиковались за их спекулятивный, умозрительный характер.

Хайдеггер в попытке отделения психологии от своей экзистенциальной философии (аналитики присутствия) писал, что «личность не вещь, не субстанция, не предмет», а «психическое бытие» не имеет отношения к «личному бытию» [10, с. 47–48]. Сама история развития психологии в XX веке показала, что это не так. Следовать в этом вопросе Хайдеггеру означало бы ставить под сомнение ту область знания, которая получила название психологии личности (*personality psychology*). Уже через 8 лет после опубликования «Бытия и времени» психолог К. Левин создает «Динамическую теорию личности» [11, с. 423].

К слову, авторитет Хайдеггера в среде философской общественности был далеко не бесспорен. Известно, что Р. Карнап в своей статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка» решительно критиковал попытки Хайдеггера реабилитировать метафизику как невятные и бессмысленные [12, с. 11–12].

В дальнейшем даже в рамках немецкой философской традиции К.-О. Апель был вынужден признать, что трансцендентальное струк-

турировано как язык, а сами сущности есть не что иное, как значения слов. «Первая философия, – пишет он в своей работе «Трансформация философии» (1988), – больше не является исследованием природы или сущности вещей или сущего (онтологией), не является она теперь и рефлексией над представлениями или понятиями сознания или разума (теорией познания), но представляет собой рефлекссию над значением или смыслом языковых выражений (анализом языка) [13, с. 239]». При этом единого метаязыка не существует, поэтому и невозможен единый трансцендентальный субъект.

Скажем, если для европейских языков фраза «я мыслю» имеет место, поскольку там всегда выражен субъект (*ego, ich, i*), то при переводе на русский язык в некоторых фразах субъект может исчезать. Например, английское выражение *I have a family* правильнее перевести на русский «у меня есть семья», нежели «я имею семью». Сам субъект историчен и регионален. Совсем не случайно Мишель Фуко заявил в середине XX века о смерти субъекта. В эпоху господства медиареальности субъект превращается либо в абонента, либо в терминал.

Таким образом, атаки на метафизику не прекращались; то, что не сделала психология, сделала лингвистика. Если проблемы философии становятся проблемами языка, а сущности превращаются в значения слов, то не является ли лингвистика панацеей?

Нам также следует выяснить взаимоотношения метафизики и онтологии, чтобы понять, в какой мере критика метафизики является в то же самое время критикой онтологии. При этом, несмотря на то, что эти термины нередко выступают как синонимы, встречается и альтернативная точка зрения.

Так, от Х. Вольфа идет традиция усматривать в онтологии составную часть метафизики. В «Критике чистого разума» мы читаем: «Вся система метафизики состоит из четырех главных частей: 1) онтологии; 2) рациональной физиологии; 3) рациональной космологии; 4) рациональной теологии» [8, с. 615–616].

В работе «Бытие и сущность» (1948) неотомиста Э. Жильсона мы встречаем несколько иную трактовку вольфианского деления метафизики. Онтология продолжает оставаться ее первой и основной частью. Космология и теология остаются, но из рациональных превращаются в естественные, и лишь физиология становится «пневматологией» [14, с. 461].

Если не производить подмену понятий, но различать метафизику и онтологию, то очевидно, что последний раздел знания более жизнеспособен. Философия уже не может претендовать на собственные космологические изыскания, не оглядываясь на астрономию. Всякая философская космогония суть не более чем комментарий к научной космогонии. Равным образом и теология ныне не обладает универсальным статусом и выведена как из системы науки, так и из системы образования. Любые философские притязания на истолкования божественных истин останутся не более чем выражением субъективной позиции автора.

Пневматология как номинальная «наука о духе» на данный момент не существует, однако вопросы духовности являются давней прерогативой философии. Так, Гегель в «Феноменологии духа» (1807) сообщает, что «дух есть нравственная действительность» [15, с. 223], а вопросами нравственности традиционно занимается такой раздел философии, как этика. При этом дух как нравственная действительность не «висит в воздухе», но имеет историческое, культурологическое и правовое измерение, которое исследуется соответствующими общественными науками. Справедливости ради стоит отметить, что этика и онтология при всем своем видимом различии имеют в своем предмете общую точку пересечения – ценности. Благодаря им онтология теряет свою абстрактную блеклость, а этика поднимается на метафизическую высоту.

Номинально (а мы не можем игнорировать лингвистический поворот философии) метафизика исследует неподвижные *сущности*, тогда как онтология представляет собой науку о *сущем*. Предмет этих отраслей философского знания не тождественен. Так, Э. Жильсон критиковал представителя «второй схоластики»

Ф. Суареса за то, что у того «понятие сущности равнозначно понятию сущего» [14, с. 421]. Различие между этими категориями коренится в различии сущности и существования. Жильсон обнаруживает это противопоставление еще у Фомы Аквинского, однако в современной философии его, бесспорно, актуализовал экзистенциалист Ж.-П. Сартр в своей статье «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946), которая была опубликована на два года раньше «Бытия и сущности» Э. Жильсона.

Именно Сартр утверждает, что не сущность проявляется в существовании, а «существование предшествует сущности». Этот тезис поясняется предельно просто: «сначала человек существует, встречается, появляется в мире, а лишь потом он определяется» [16, с. 323]. Суть этого явления в свободе, а сущность становится лишь эпифеноменом существования. Однако экзистенциалистский ход был эффективен лишь для критики метафизики, но никак не для построения новой онтологии. Главный изъян этой критики заключался в том, что экзистенция замыкалась на уникальном бытии человека, что лишало ее универсального статуса. Экзистенциализм легко оборачивался антропологией и взаимодействовал с психологией, но не переходил в онтологию. «Бытие мое» не онтологично.

Итак, критика метафизики во многом исходила из возрастающей дистанции между философией и естествознанием. Если метафизика имела дело с умозрительным миром неподвижных сущностей, то естествознание стремилось постичь динамически развивающийся окружающий мир. Уже Канту стал очевиден «догматический» порок метафизики, которая никак не стремилась верифицировать свое знание. Конт отверг метафизику как донаучную стадию развития человеческого знания, а ко времени Энгельса она превратилась в пугало для ученых-естественников. Попытки «коперниканской революции» Канта и «феноменологической редукции» Гуссерля нельзя считать успешными, т. к. они не решали всех поставленных перед метафизикой проблем, связанных прежде всего с верификацией метафизического знания.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.
2. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Л., 1947.
3. Каган М.С. Синергетика и культурология // Каган М.С. Синергетика и метод науки. СПб., 1998.
4. Янсон Х.В. Постмодернизм // Янсон Х.В. Основы истории искусств. СПб., 1996.
5. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
6. Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1897.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1982.
8. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. Т. 1.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
11. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.
12. Каримов А.Р. Введение в аналитическую философию. Казань, 2012.
13. Апел К.-О. Трансформация философии. М., 2001.
14. Жильсон Э. Бытие и сущность // Жильсон Э. Избранное: христианская философия. М., 2004.
15. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000.
16. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990.

References

1. Ankersmit F.R. *History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor*. Berkeley, 1994 (Russ. ed.: Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory*. Moscow, 2003).
2. Stalin I.V. O dialekticheskom i istoricheskom materializme [Dialectical and Historical Materialism]. *Voprosy leninizma* [The Issues of Leninism]. Leningrad, 1947.
3. Kagan M.S. Sinergetika i kul'turologiya [Synergetics and Culture]. *Sinergetika i metod nauki* [Synergetics and Scientific Method]. St. Petersburg, 1998.
4. Janson H.W. Postmodernizm [Postmodernism]. *Osnovy istorii iskusstv* [Fundamentals of the History of Art]. St. Petersburg, 1996.
5. Comte A. *Dukh pozitivnoy filosofii* [The Spirit of Positive Philosophy]. St. Petersburg, 1910.
6. Spencer H. *Osnovnye nachala* [First Principles]. St. Petersburg, 1897.
7. Engels F. *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow, 1982.
8. Kant I. Kritika chistogo razuma [The Critique of Pure Reason]. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected Works: In 8 Vols.]. Moscow, 1994. Vol. 3.
9. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. 1913* (Russ. ed.: Gussler' E. *Idey k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Moscow, 1999. Vol. 1).
10. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1993 (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytie i vremya*. Moscow, 1997).
11. Yaroshevskiy M.G. *Istoriya psikhologii* [The History of Psychology]. Moscow, 1985.
12. Karimov A.R. *Vvedenie v analiticheskuyu filosofiyu* [Introduction to Analytic Philosophy]. Kazan, 2012.
13. Apel K.-O. *Transformation der Philosophie*. Suhrkamp, 1973 (Russ. ed.: Apel' K.-O. *Transformatsiya filosofii*. Moscow, 2001).
14. Gilson É. Bytie i sushchnost' [Being and Essence]. *Izbrannoe: khristianskaya filosofiya* [Selected Works: Christian Philosophy]. Moscow, 2004.
15. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow, 2000.
16. Sartr Zh.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism Is Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1990.

Ivanenko Aleksey Igorevich

Saint Petersburg State Technological University of Plant Polymers (St. Petersburg, Russia)

THE CRISIS OF METAPHYSICS: UNSOLVED PROBLEMS

The article dwells on the crisis of metaphysics and on attempts to resolve it. This problem is rooted in the physics–metaphysics opposition that was first expressed by Aristotle. With the development of natural science, this opposition had turned into contradiction. By the 19th century, metaphysics started to be seen as an obstacle to physics, which was noted by Engels in his *Dialectics of Nature*. All attempts to “save” metaphysics resulted in its subjectification, reducing existence to human existence. Husserl and Heidegger tried in vain to demarcate a boundary line between their philosophy and the emerging psychology. Transcendental idealism, phenomenology and existentialism identified the problem of verification of metaphysical knowledge and were rightly rejected by the analytic tradition. However, subjectivization of metaphysics is overcome by the concept of “death of the subject”, which allows one to reach the entity through language. Ideas are born in a language; the world is a text; language speaks through the human; the transcendental is structured like a language – these are the key points of the twentieth-century philosophy of language. Nevertheless, there is still room for linguistic metaphysics as, within the language, entities turn into meanings, which casts doubt on metaphysics as a doctrine of entities. Thus, the question of extralinguistic reality becomes meaningless and metaphysical in the positivist sense of the word. Even though throughout the 20th century attempts had been made to create analytical metaphysics, a distinction should be drawn between metaphysics and ontology, as ontology is nominally a science of entity. Modern ontology cannot ignore the achievements of linguistic philosophy, neither can it withdraw into linguistics due to the fundamental meaning of the ultimate values of culture that can be cognized by the method of philosophical reflection.

Keywords: *the crisis of metaphysics, criticism of metaphysics, revival of metaphysics.*

Контактная информация:

адрес: 198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 4;

e-mail: iwanenkoalexy@hotmail.com